

Художественная модель женского образа в прозе В. Мишаниной

Н. Н. Левина

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
LEV.NataliyaN@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Неослабевающий писательский интерес к проблемам формирования личности женщины, её взглядов, ценностных установок, вариативность презентуемых женских образов в художественной литературе подводят к необходимости постоянного мониторинга литературоведческих подходов, средств изображения женского характера, что в свою очередь актуализирует новые теоретико-методологические обобщения и выводы. Актуальность данной статьи вызвана необходимостью научного осмысления специфики воссоздания образа женщины в прозе мордовской писательницы В. Мишаниной. Предметом исследования явилась авторская стратегия его художественного моделирования.

Цель: выявить формы и средства структурирования женского образа в прозе В. Мишаниной.

Материалы исследования: рассказы («Дымное утро», «Колдунья», «Человек на дороге») и повесть («Комок масла») В. Мишаниной.

Результаты и научная новизна. Научная новизна исследования продиктована недостаточной изученностью интерпретации женского образа в прозе В. Мишаниной, а также включением в аналитическое поле мордовского и финно-угорского литературоведения повести «Комок масла».

В ходе анализа рассказов и повести В. Мишаниной автор статьи приходит к заключению о том, что прозаик использует как комплекс традиционных средств репрезентации персонажной сферы, так и авторские методики художественного моделирования женского образа, обусловленные своеобразием творческой манеры писательницы, её мировосприятием. Модель женского образа представляет собой совокупность множественных личностно-психологических, духовно-нравственных характеристик и признаков натуры героинь, среди которых можно выделить эмоциональность, нравственную состоятельность, задушевность, максимальную открытость. Писательница также отдает предпочтение ситуациям, в которых женские персонажи испытываются чувством одиночества.

Ключевые слова: В. Мишанина, проза, художественная модель, женский образ, специфика, конфликт, авторское мировидение, психологизм образа.

Для цитирования: Левина Н. Н. Художественная модель женского образа в прозе В. Мишаниной // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. С. 262–270.

Artistic model of a female image in V. Mishanina's prose

N. N. Levina

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
LEV.NataliyaN@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: an unfailing interest of the writer in the problems of the formation of a woman's personality, her attitudes, values, variability of presented female images in fiction lead to the need for constant monitoring of literary approaches and means of depiction of a female character, which in turn actualizes new theoretical and methodological generalizations and conclusions. The relevance of the article is caused by the need for scientific understanding of the specifics of recreating the female image in the prose of the Mordovian writer V. Mishanina. The object of the research is the author's strategy of its artistic modeling.

Objective: to analyze the forms and means of structuring of the female image in V. Mishanina's prose.

Research materials: a number of stories ("Dymnoe utro" ("Smoky Morning"), "Koldunya" ("The Witch"), "Chelovek na doroge" ("Man On the Road") and V. Mishanina's novella ("Komok masla" ("Clot of Butter").

Results and novelty of the research: the scientific novelty of the study is dictated by the lack of study of the interpretation of the female image in V. Mishanina's prose, as well as the inclusion of her novella "Komok masla" ("Clot of Butter") in the analytical field of Mordovian and Finno-Ugric literary studies.

In the course of analyzing of V. Mishanina's stories and the novella, the author comes to the conclusion that the novelist uses both a complex of traditional means of representing the character sphere, and the author's methods of artistic modeling of the female image, due to the originality of the writer's creative manner and her worldview. The model of a female image is a set of multiple personal and psychological, spiritual and moral characteristics and signs of the nature of the heroines, among which we can distinguish emotionality, moral consistency, intimacy, maximum openness. The writer also prefers situations in which female characters experience a sense of loneliness.

Keywords: V. Mishanina, prose, artistic model, female theme, female image, specificity, plot, conflict, author's worldview, psychology of the image.

For citation: Levina N. N. Artistic model of a female image in V. Mishanina's prose // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (2): 262–270.

Введение

Женский образ во все времена был и остаётся важной составляющей художественной картины мира любого писателя, независимо от возраста, национальной и религиозной принадлежности. В связи с неослабевающим писательским интересом к воссозданию образа женщины, женского взгляда на жизнь, проблемам самоопределения и особенностям женской психологии выбранная тема является одной из часто обсуждаемых в мировом литературоведении. Литературоведческая наука накопила немалый опыт «осмысления женских литературных образов, есть и сложившаяся типология женских образов в литературе» [8, 75]. Отдельные аспекты обозначенной проблемы находят научное отражение в работах как зарубежных, так и отечественных, в том числе национальных, исследователей [13; 14; 15; 16; 17; 2; 8].

Ориентируясь на писательские опыты и устоявшиеся традиции в репрезентации женского образа, отметим неизменную тенденцию, сложившуюся в литературно-художественной системе: в литературных произведениях отмечено, что «женщина была ключевым звеном домашнего хозяйства, в её функции входило управление домом, рождение и воспитание детей» [7, 32]. Однако современная эпоха подготовила почву для серьёзных изменений не только в общественно-социальной жизни, но и культурной сфере. В частности, в литературе наблюдается возникновение новых тенденций, индивидуально-авторских представлений в области сюжетно-художественных форм, ракурсов в обрисовке персонажей, что способствовало появлению определённого художественного женского типа новой эпохи. Новые векторы развития женского образа обусловлены не только переломными общественно-политическими изменениями, на их создание, прежде всего, «оказывает влияние авторское

мировоззрение, личный жизненный опыт писателя, увлечение философскими и эстетическими доктринами времени и их переосмысление, <...> и претерпевающая изменения творческая позиция автора» [4, 57].

В данной статье, опираясь на существующие подходы к оценке персонажной сферы в художественном произведении, мы анализируем авторскую стратегию моделирования женского образа в прозе мордовской писательницы В. Мишаниной. Несмотря на то, что критическое осмысление ее творчества началось ещё с издания первого сборника и продолжается до настоящего времени (отдельные содержательные и формотворческие аспекты эпических экспериментов автора были описаны в работах мордовских критиков [1; 3; 10]), интерпретация женского образа в её прозе глубинного анализа до сих пор не получила, а повесть «Комок масла» в национальной литературоведческой науке предметом специального исследования не становилась и в научный оборот вводится впервые. Данная статья призвана восполнить пробел в национальном литературоведении, углубить, уточнить и дать объективную оценку формам и средствам, выстраивающим модель женского образа в прозе писательницы.

Материалы и методы

Материалом исследования являются прозаические опыты В. Мишаниной – рассказы «Дымное утро», «Колдунья», «Человек на дороге», повесть «Комок масла» [11; 12], малоисследованные или впервые подвергающиеся научной рефлексии и наиболее репрезентативные с точки зрения заявленной темы.

В соответствии с особенностями писательской манеры был выбран системный подход в литературоведческом исследовании, реализуемый посредством применения совокупности проблемно-

эстетического, структурно-описательного, структурно-семантического методов. Разноаспектный подход способствует более продуктивному анализу прозы писательницы.

Результаты

Прозаическое наследие В. Мишаниной – яркое и значительное явление в мордовской литературе современного периода. Оно отличается творческой свободой, аналитическим началом, глубиной мысли, эмоциональностью выражения внутренних интенций человека, новаторскими находками в области решения конфликта. В её творческой практике проявились те тенденции, которые наиболее характерны для мордовской прозы. Писательница, хорошо знающая жизнь современного общества, создаёт произведения, которые увлекают, убеждают читателя в правдивости отображения действительности. Желание глубже разобраться в социальных противоречиях современного общества и передать его психологическую атмосферу – основная идейно-тематическая проблематика произведений В. Мишаниной.

Исследователи творчества В. Мишаниной [1; 2; 3; 10] не раз подчёркивали одну из специфических черт её художественно-стилевых поисков – тяготение к драматизированным ситуациям. К ним писательница обращается довольно часто. Персонажи её произведений могут переживать чувство одиночества, скуки, тоски, а порой и отчаяния. Трагически, например, заканчиваются легенда «Серебряная ракушка», повесть «Ворота времени», рассказ «Колдунья», грустный фон сопутствует многим другим сюжетам. Развитие действия в произведениях автора побуждает читателя на сопереживание.

Особым объектом художественного осмысления в прозе В. Мишаниной становится женский образ. В его раскрытии писательница является несомненной продолжательницей традиций своих предшественников С. Ларионова, Л. Макулова, А. Тяпаева, Г. Пинясова и др. Но в её художественной практике наблюдается тяготение к изображению особого типа женщин, имеющего свои характерные черты. Героини писательницы, как правило, одиночки. Их одиночество в рассказах и повестях отнюдь не редкость, не какой-то необычный случай, напротив, оно остаётся главным и неизбежным испытанием в жизни женщины. Отметим, что у В. Мишаниной понятие женского одиночества приобретает различные смысловые значения. В одних произведениях воспроизводится

одиночество престарелой матери, безуспешно ожидающей взрослых детей, погруженных в суету городского образа жизни (рассказ «Жила-была баба Куля»), в других доминирующим объектом осмысления является образ женщины, преданной мужем (рассказы «Начало пути», «В пустом доме»), в третьих внимание сосредотачивается на таких не воплощённых в жизни героев ценностях, как семья и материнство («Дымное утро», «Человек на дороге») и т. д. Но в любом случае одиночество определяется как многомерный конструкт: переживаемое ощущение, воспринимаемое как нежелательное и неприемлемое для человека отсутствие определённых отношений.

Анастасия Львовна, главная героиня рассказа «Дымное утро», преуспевающая женщина. Она многого добилась в жизни: достижений в науке, уважения на работе, материальной состоятельности. Но за внешним благополучием скрывается глубокая душевная драма героини: она – одиночка. Её одиночество становится очевидным уже с первых строк рассказа: «В этом доме Анастасия Львовна жила уже семь лет, но ни с кем из соседей не зналась. Женщины в подъезде сразу невзлюбили её, считая слишком высокомерной, и делали вид, что тоже не замечают её» [12, 157].

Сюжет рассказа строится на параллельном изложении событий настоящего и прошлого. Чередование двух временных планов позволяет дать персонажу более полную психологическую характеристику, высветить мельчайшие детали душевного состояния, пристально и глубоко заглянуть во внутренний мир. Ретроспективное время базируется на художественных деталях («утренний дымок», поднимающийся над городом, «багровый круг солнца», увиденный между домами и т.д.). Именно они воскрешают в памяти героини отдельные картины прошлого, а неожиданное знакомство и общение с соседской девочкой возвращают её в реалии настоящего времени.

Автор приводит убедительные доводы, сформировавшие одиночество Анастасии Львовны. Отсутствие бытовых условий, давление со стороны мужа вынуждают её пойти на убийство нерождённого ребёнка. Осознание трагизма такого решения приводит героиню к мучительным страданиям. Чувство страха, осознание греховности своего поступка, нравственные принципы становятся причиной разлада в семье. Да и муж Борис, выросший в городской благоустроенной квартире и находящийся под влиянием матери, оказался неподготовленным к испытанию на прочность. Бытовые трудности легко вспугнули

его. Трагизм нравственного выбора, предательство мужа лишают Анастасию Львовну возможности выполнить своё главное предназначение – быть матерью. Со временем осознание своего одиночества начинает представлять привычную, будничную для героини атмосферу, что характеризует её мироощущение, определяет линию её мышления и поведения. «Сладостное» переживание одиночества <...> становится привычным и необходимым условием жизни» [1, 12]. Полтора года семейной жизни женщина считает чем-то «очень похожим на счастье» [12, 170]. Но она убеждена, что «жизнь следует по своим логическим законам» [12, 170] и давно уже пережитый развод с мужем считает тем, чему «надо было быть» [12, 170]. Сейчас вся её жизнь – наука, в которой она не испытывала трудностей, «грызла её легко, с наслаждением» [12, 170]. Служебные командировки, доклады о новейших открытиях в математике, встречи с учёными, умные беседы с коллегами давно уже стали смыслом жизни героини, а научный результат – это то, что приносит удовлетворение: «Анастасия Львовна принялась читать свои записи. <...> Она села за стол, глазами установила математический порядок знаков. Так, не поднимая головы, она просидела часа три. И... ощутила приближение неизвестного как чего-то материального. Это самый интересный момент в её работе. За эти часы она сделала то, над чем билась несколько недель. <...> Анастасия Львовна с лёгким сердцем прошла по комнате, давно не получала такого удовлетворения от своей работы» [12, 164]. К тому же женщина давно уже для себя освоила одно правило: «чем дольше вычислять, тем меньше остается времени копаться в себе» [12, 170].

Однако, В. Мишаниной не свойственно сглаживание конфликтов. Автор развеивает внешнюю иллюзию удовлетворённости героини. Знакомство с пятилетней девочкой Надей и кратковременное общение с ней меняет взгляды Анастасии Львовны на свою жизнь. Маленькая девочка смогла тронуть её сердце, отчего в нём родились светлые, нежные чувства. Женщина понимает, что иксы и игреки, плюсы и минусы, цифры и числа, гиперболизированные писательницей до действующих персонажей, заполнили всё её личное пространство. «Ты не женщина, а корзина с цифрами», «Я думала, вы не умеете смеяться» – вот характеристики, исходящие в адрес героини от окружающих. Поэтому одиночество, ранее воспринимаемое как обычный уклад жизни, приобретает оттенки трагизма. Специфическое

мировоззрение, восприятие окружающих людей и событий, индивидуальные потребности, сформировавшиеся за долгие годы одиночества, трансформируются в процесс душевного терзания, разочарования в личном счастье. В то же время обращается внимание на выбор имени девочки – Надя, Надежда. Ассоциации сводятся к значению имени как в библейском, так и в семантическом отношении – надежда на что-то светлое и чистое, на лучшее в жизни.

Событийная основа, неоднолинейность конфликта в рассказе создают развёрнутую форму эпического нарратива. Здесь очевидна «многоплановость охвата жизненного материала, аналитически повествовательная тенденция раскрытия событий и человеческих характеров» [10, 147].

Драматизм повествования как одно из слагаемых стиля В. Мишаниной наивысшей точки достигает в рассказе «Колдунья». В нём авторское внимание сосредоточено на жуткой картине человеческой жестокости. Матя, молодая мать видит, как изо дня в день угасает жизнь в её маленьком сыне. Вот уже четвертую неделю ребёнок болен. Женщина бессильна помочь ему – голод и нужда давно царят в их доме и во всей деревне. Ему бы дать молока, но коровы нет с тех пор, когда её мужа взяли на империалистическую войну. Ни святая вода, ни старания бабушки-знахарки не приносят облегчения, что усиливает материнские страдания и создаёт ощущение какой-то тревоги, неотвратимости чего-то трагического.

Психологизм в изображении модели женского образа в рассказе проявился с максимальной полнотой. Одним из приёмов художественного выражения эмоционального состояния персонажа автор избирает сон героини. Ей снится, как вместе с мужем она косит траву для коровы, которая будет давать много молока, как она носит молоко тем, у кого его нет. Приём литературного сна как композиционный элемент в рассказе выполняет двойственную функцию: подчёркивает контрастность между сновидением и реальностью, т. е. усиливает драматизм той атмосферы, в которой живёт героиня, а также является проекцией её душевного состояния.

Для усиления эмоциональной выразительности и раскрытия внутренних интенций персонажа автор обращается к поэтике устного народного творчества, в повествовательную систему включает молитву-прошение. В сцене обращения к Богу раскрывается глубокая душевная трагедия матери: «Господь наш, Всевышний, защитник и кормилец, помоги, огради от смерти моё

чадо, моё единственное счастье. Два года я его хранила под своим крылом, оберегала от дождей холодных, злых людей. Но не убережешь мне его от тебя, от твоих протянутых рук... Не забирай его, оставь моё дитя со мной, спаси мою единственную радость!» [11, 90].

От голода, горя и отчаяния женщина решается ночью тайно пробраться во двор к сельскому богачу и подоить его корову. К её несчастью хозяева ещё не спали. Эта сцена описана с особым напряжением. Становится очевидным, что трагизм финала неотвратим. Решив, что это оборотень, хозяева убивают её. Соседи с опаской хоронят «колдунью» вместе с сыном.

Речь героев, предельно сжатые авторские реплики, специфика сюжетных деталей подчёркивают, что суеверный страх перед «колдуньей», могущей якобы напустить порчу на корову, – это прикрытие бесчеловечности и жестокости. Таким образом, в рассказе «Колдунья» комплекс художественных средств, моделирующих женский образ, составляют приём литературного сна, молитва-прошение, портретные характеристики, индивидуализация речевой манеры персонажей и др. Мастерски разработанные писательницей, они являются ёмкой художественной категорией: выполняют важную сюжетно-композиционную роль, наиболее эксплицитно раскрывают эмоциональное состояние героини, усиливают правдоподобность отображаемых событий.

Героини произведений В. Мишаниной – женщины разных возрастных категорий. В рассказе «Человек на дороге» внимание автора сосредоточено на образе немолодой уже женщины. Это бабка Наталья. В повествовательной структуре нередко встречаются упоминания о наступившей старости и угасании физических сил Натальи: «пешком редко ходит», «отяжелели ноги», «постарела Наталья», «будет на печке отлёживаться», «еле передвигала ноги», «частенько покалывает у неё в сердце» и т. д. Будучи совсем молодой женщиной, она осталась без мужа. Он погиб на войне. У Натальи нет ни детей, ни внуков. Но мысли о них в который раз уже приходят ей в голову. С ними она живёт долгие годы, их унесёт с собой в могилу. Глядя на молодых, она мысленно представляет, какими бы были её наследники: «у неё тоже мог бы быть такой внук», «а мой сын так бы не поступил...». Печаль о несостоявшемся материнстве составляет содержательно-смысловую целостность произведения и воспринимается как его эмоционально окрашенный содержательный центр.

Для расширения смысловой перспективы рассказа писательница включает в повествование образ дороги. Дорога в художественных произведениях чаще всего воспринимается в качестве жизненного пути героя. Сохраняя традиционный смысловой потенциал, В. Мишанина данный образ также интерпретирует как дорогу-судьбу своей героини: «Эта дорога – единственная живая ниточка, которая связывала её с прошлым. Маленькой девочкой бегала по ней встречать с базара возвращавшихся родителей. Подросла, и родители стали брать её с собой. А повзрослев, уже одна ходила по ней. Если растянуть все пройденные вёрсты в одну ленту, наверное, до края земли хватило бы её. И это не просто расстояние, а жизнь. И с родным человеком она встретила на этой дороге, и по ней же проводила навсегда на проклятую войну...» [12, 187]. Все ключевые этапы и моменты в жизни Натальи – детство, юность, любовь, разлука, воспоминания – так или иначе связаны с дорогой, по которой она возвращается пешком из районного центра. Пожилая женщина вспоминает свою жизнь, молодость – тот короткий промежуток времени, когда она была счастлива. Автор глубоко раскрывает эмоциональное состояние одинокого человека – это отчаяние, ранимость, беспомощность. Женщина обращается к давно умершему мужу с призывом забрать её к себе: «Родной мой, почему так долго не приходишь за мной? Давно собираюсь к тебе... Устала одна...» [12, 191]. Воспоминания о муже прерывает молодой паренёк, пытавшийся отнять у неё деньги. Этот поступок вызывает в ней не столько осуждение, сколько жалость. Её жалость к незнакомому паренёку – это неизлитое чувство материнства. Старая женщина отдаёт ему все свои сбережения.

Таким образом, выстраивая художественную модель образа, В. Мишанина не всегда следует традиции изображения женщины с возложенной на неё великой миссией быть продолжательницей жизни. Материнство, являющееся «цементирующим началом целостной системы женских образов и мотивов» [9, 33] в мировой литературе, в творчестве мордовской писательницы для многих героинь остаётся нереализованной мечтой.

В основе многих произведений В. Мишаниной находятся внешне несложные жизненные ситуации. Но автор «не копирует житейские факты, которые без должного художественного осмысления могут стать простой фиксацией тех или иных явлений» [10, 144], в произведениях писательницы «всегда чётко проводится единая идейно-художественная мысль» [10, 144].

Поиском путей дальнейшего осмысления женских персон отличается повесть В. Мишаниной «Вайбоколь» («Комок масла»). В центре внимания автора находятся образы двух женщин – Ольги и Дарюни (Дарьи).

Взгляд писательницы на женщину, отразившийся в художественных образах повести, помогает точнее понять как особенности её личного мировосприятия, так и глубинные процессы, происходившие в общественном сознании.

Особенности творческой манеры В. Мишаниной наложили свой отпечаток на способ изображения художественной модели персонажа. Вопрос о специфике обрисовки женщины в её произведениях, с одной стороны, оказывается вписанным в контекст общей характерологии персонажей, со свойственными ей специфическими способами сюжетных ходов и портретных характеристик. В то же время, он содержит в себе ряд особенностей, связанных как с традицией изображения женщины, сложившейся в мордовской литературе, так и со своеобразием подхода писательницы к «женской теме». Художественная позиция писательницы заключается в деромантизации образа женщины в литературе. В. Мишанина максимально приближает его к реалиям повседневного существования, в котором развиваются бытовые, семейные, любовные и социальные отношения.

При раскрытии образов своих героинь В. Мишанина не ограничивается демонстрацией исключительно психологических характеристик. Писательница занята и внешними проявлениями жизни женщин. Она подмечает их наружность, схватывает язык действующих персонажей, решительно определяет действия и поступки героинь, поскольку в раскрытии сущностных черт образов важны «совершаемые героинями действия, поступки, формы их поведения, ибо значимо не только то, что совершает человек, но и то, как он при этом себя ведёт» [6, 12]. Это соединение психологической и внешней манеры и составляет оригинальность раскрытия персонажной сферы повести «Комок масла».

Так, героиня В. Мишаниной Ольга – молодая, красивая женщина. Имеет свой дом, живёт в достатке и, на первый взгляд, кажется, считает себя вполне счастливой. Но она – одинока. Посредством смелых описаний, метких характеристик автор в ней отмечает яркие внешние краски в сочетании с внутренним кипением чувств и мыслей. Ольга живёт как хочет, насла-

ждаясь удовольствиями и развлечениями деревенской жизни. В ней подчёркиваются уверенность в себе, самодовольство. Но деревенский мир – это мир, где господствует этическая оценка. Многими жителями деревни она воспринимается эгоистичной женщиной-соблазнительницей. Однако общественное мнение – это не то, что волнует героиню. За внешней удовлетворённостью она скрывает свои истинные чувства. Больше всего женщина страдает от внутреннего дискомфорта. Осознание своего одиночества в конце концов становится привычной, будничной для неё атмосферой.

Даже в пределах одного произведения В. Мишаниной репрезентация художественной модели женского образа находит различные формы. Так, в повести «Комок масла» через проблемы частной жизни раскрывается характер ещё одной героини – Дарюни, живущей с мужем, но духовно одинокой и преодолевающей одиночество мыслями о любимом человеке.

Этот персонаж свидетельствует о том, что модель женского образа в творческой эволюции В. Мишаниной претерпела значительные изменения: углубился психологизм, усложнился, стал многограннее внутренний мир.

Писательница с любовью относится к своей героине. Уже выбор имени для неё говорит об особом авторском отношении к персонажу. Имя содержит уменьшительно-ласкательный суффикс «юн» – Дарюня, что подчёркивает особую теплоту и добродушие в ней. Автор наделяет свою героиню христианским терпением, умением прощать, понимать других. Она добрая, кроткая, покладистая и всепрощающая, живёт ради других, не судит окружающих.

В повести подчёркивается, что семья – это любовь, тепло, полное взаимопонимание, деторождение, жертвенность, жизнь для любимых людей. Но образ Дарюни ориентирован на прозу жизни. Автор показывает, что реалии её семейной жизни неотделимы от страданий, боли, унижений. После замужества жизнь женщины ограничилась бытом, жизнью ради мужа и детей. Болезненность мужа, его равнодушие ко всему окружающему способствовали охлаждению горячего семейного порыва героини и сделали её одинокой. На её плечи легли все семейные заботы, в том числе и мужские обязанности. Физический труд, душевные беспокойства и прочие тяжести жизненного уклада раньше времени состарили Дарью, внешне сделали неприметной серой мышью. Но она не утратила

интереса к жизни. Душа её жаждет женского счастья, любви, надёжного мужского плеча. В жизни героини есть сердечная отдушина – это мысли о любимом человеке, друге юности, чувство к которому она хранит в душе долгие годы. Через приём литературного сна и воспоминаний героя, автор показывает короткий промежуток времени, когда Дарюня была счастлива с любимым человеком.

В повести «Комок масла» В. Мишанина изображает современность, обычную жизнь человека в реальных условиях. В центре внимания писательницы два совершенно противоположных женских образа. Полярность героинь подчёркивается их образом жизни, мировоззренческими позициями, внешностью. Но на протяжении всего нарратива прослеживается связующее звено, позволяющее возвести два разных характера в одну стезю: они – одиноки. Обе героини переживают разочарование в личном счастье, отчаяние, беспомощность, ранимость, что обычно свойственно эмоциональному состоянию одинокого человека. Но героини В. Мишаниной не всегда поддаются этим чувствам, они сочетают в себе и решительность, и житейский ум. И если по отношению к Ольге автор допускает приём исповедальности (героиня может откровенничать с узким кругом людей), то внутренние страсти Дарюни кипят в ней самой и окружающие люди к ним доступа не имеют.

Из вышесказанного следует, что женский образ, во все времена являясь объектом художественного изображения в самых различных его интерпретациях, наделяется «определёнными качествами, характеристиками, как типическими, так и индивидуальными, в зависимости от авторских установок, целей, идейно-художественного наполнения каждого произведения» [5, 102]. Творческие опыты В. Мишаниной представляют собой определенный вклад в разработку женского образа, форм и способов его художественного моделирования. Основные проблемы и задачи, волнующие писательницу, – это перипетии женской судьбы, содержательность и многогранность её внутреннего мира, сложность душевной организации. В целом, героини В. Мишаниной – это противоречивые персонажи, сочетающие в себе и решительность, и житейский ум, несмотря на сюжетные «зигзаги». И как бы ни были драматичны события в произведениях, главное в них – «извлечение нравственных и моральных уроков из человеческих поступков и судеб» [10, 149].

Обсуждение и заключение

Таким образом, художественная модель женского образа в прозе В. Мишаниной находит различные индивидуально-авторские решения. Формы и средства ее структурирования представляют собой совокупность разнообразных личностно-психологических и духовно-нравственных характеристик.

Во избежание упрощённой трактовки женских персонажей писательница стремится к углублению психологизма. Обилие острых ситуаций, драматических конфликтов, эмоциональных переживаний в нарративной структуре произведений подтверждают мысль о том, что психологизация и драматизация являются особым художественным качеством и стилевой доминантой в прозе автора. Портретные описания, речевые характеристики, образы-символы, контрасты, внутренние монологи, ретроспекции, фольклорные элементы позволяют раскрыть психологию женских персон как бы «изнутри», являются средствами многоаспектного моделирования поэтики образа. Методики их творческого применения способствуют индивидуализации обрисовки женской натуры. Через проблемы частной жизни, например, раскрываются характеры Анастасии Львовны («Дымное утро») и бабки Натальи («Человек на дороге»), так и не познавших радости материнства, Мати, безуспешно пытающейся спасти жизнь сына («Колдунья»), раньше времени состарившейся Дарьи, живущей с мужем, но духовно одинокой и преодолевающей своё одиночество мыслями о любимом человеке, страстно ищущей взаимной любви Ольги («Комок масла»). При этом писательница не копирует действительность, а преобразует её, что позволяет наполнить художественные образы авторскими мыслями, ощущениями и эмоциями.

Проза В. Мишаниной интересна авторскими «находками» в создании глубоких художественно убедительных женских образов и является осмыслением тех жизненных реалий, которые оказывают существенное влияние на формирование личности женщины, её характера и ценностных установок. Специфика художественной модели женского образа в эпических экспериментах писательницы обусловлена как своеобразием индивидуально-авторского художественного почерка, так и опытом рецепции традиций мордовской литературы.

Список источников и литературы

1. Антонов Ю. Г., Шеянова С. В. Концепция одиночества в современной мордовской литературе // Вестник угроведения. 2016. № 1. С. 7–13.
2. Антонов Ю. Г., Левина Н. Н., Шеянова С. В. Мордовская литература рубежа XX – XXI вв.: поиски национальной идентичности. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. 184 с.
3. Бакаева О. В., Каторова А. М. Мастерство психологического анализа в рассказе «Сокор веле» («Слепая деревня») В. И. Мишаниной // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 3. С. 188–194.
4. Вилесова М. Л., Хатямова М. А. Женские образы в ранней прозе Б. К. Зайцева // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 11 (139). С. 52–57.
5. Головина Е. В. Категория «Художественный женский образ» в лингвистике и литературоведении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65): В. 3-х ч. Ч. 1. С. 100–104.
6. Головина Е. В. Типология женских образов в русской литературе конца XIX–XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69): В. 3-х ч. Ч. 1. С. 12–15.
7. Кончакова С. В. «Лики ангелов»: изображение женских характеров в позднем творчестве Ч. Диккенса // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1(93). С. 32–42.
8. Косинцева Е. В. Женские образы в романе Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» // Гуманитарный вектор. 2010. № 3 (23). С. 75–79.
9. Латыпова Е. Э., Абдуллина А. Ш. Материнство в ценностной системе романа Л. Е. Улицкой «Медя и её дети» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76): В. 3-х ч. Ч. 1. С. 33–35.
10. Малькина М. И., Кубанцев Т. И. Повесть: обновление традиций // Современная мордовская литература (60-80-е годы). В 2 ч. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. Ч. 1. С. 134–158.
11. Мишанина В. И. Качаму шобдава (Дымное утро): рассказы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. 95 с.
12. Мишанина В. И. Люди в дороге: повесть, рассказы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. 208 с.
13. Ingham P. Dickens, Women and Language. Toronto and Buffalo: University of Toronto Press, 1992. 152 p.
14. Gervais D. Literary Englands: versions of «Englishness» in modern writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 280 p.
15. Joseph J. Language and Identity: National, Ethnic, Religious. Houndmills, Basingstoke, Hampshire & N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. 268 p.
16. Tusan M. E. Inventing the New Woman: Print Culture and Identity Politics During the Fin-de-Siecle // Victorian Periodicals Review. 1998. Vol. 31. № 2. Pp. 169–183.
17. Yaeger P. Dirt and Desire: Reconstructing Southern Women's Writings, 1930-1990. Chicago: University of Chicago Press, 2000. XVII. 324 p.

References

1. Antonov Yu. G., Sheyanova S. V. *Kontseptsiya odinochestva v sovremennoy mordovskoy literature* [The concept of loneliness in modern Mordovian literature]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 1, pp. 7–13. (In Russian)
2. Antonov Yu. G., Levina N. N., Sheyanova S. V. *Mordovskaya literatura rubezha XX–XXI vv.: poiski natsionalnoy identichnosti* [Mordovian literature of the turn of XX–XXI centuries: the search for national identity]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2018. 184 p. (In Russian)
3. Bakaeva O. V., Katorova A. M. *Masterstvo psihologicheskogo analiza v rasskaze «Sokor vele» («Slepaya derevnya») V. I. Mishaninoj* [The mastery of psychological analysis in the story «Socor Vele» («The Blind Village») by V. I. Mishanina]. *Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [The Bulletin of the Scientific-Research Institute of Humanitarian Sciences under the Government of the Republic of Mordovia], 2012, no. 3, pp. 188–194. (In Russian)
4. Vilesova M. L., Khatyamova M. A. *Zhenskie obrazy v ranney proze B. K. Zaytseva* [Female images in the early prose of B. K. Zaytsev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [The Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2013, no. 11, pp. 52–57. (In Russian)
5. Golovina E. V. *Kategoriya «Hudozhestvennyy zhenskiy obraz» v lingvistike i literaturovedenii* [Category «Artistic female image» in linguistics and literary studies]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice], 2016, no. 11 (64), pp. 100–104. (In Russian)
6. Golovina E. V. *Tipologiya zhenskih obrazov v russkoy literature kontsa XIX–XX veka* [Typology of female images in Russian literature of the late XIX–XX century]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice], 2017, no. 3 (69), pp. 12–15. (In Russian)

7. Konchakova S. V. «*Liki angelov*»: *izobrazhenie zhenskih harakterov v pozdnem tvorchestve Ch. Dikkensa* [«Faces of angels»: image of female characters in the late works of Charles Dickens]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [The Bulletin of Tambov University. Humanities], 2011, no. 1, pp. 32–42. (In Russian)

8. Kosintseva E. V. *Zhenskie obrazy v romane E. D. Aypina «Bozhya Mater v krovavykh snegah»* [Female images in Ye. D. Aipin's novel «The mother of God in the Bloody Snows»]. *Gumanitarnyj vektor* [Humanitarian vector], 2010, no. 3, pp. 75–79. (In Russian)

9. Latypova E. E., Abdullina A. Sh. *Materinstvo v tsennostnoy sisteme romana L. E. Ulitskoy «Medeya I ee deti»* [Motherhood in value system of L. Ye. Ulitskaya's novel «Medea and Her Children»]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice], 2017, no. 10 (76), pp. 33–35. (In Russian)

10. Malkina M. I., Kubantsev T. I. *Povest: obnovlenie traditsiy* [Novella: the renewal of traditions]. *Sovremennaya mordovskaya literatura (60-80-e gody). V 2 ch.* [Modern Mordovian literature (60–80s). In 2 parts]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1991. P. 1. pp. 134–158. (In Russian)

11. Mishanina V. I. *Kachamu shobdava (Dymnoe utro): rasskazy* [Smoky Morning: short stories]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1976. 95 p. (In Moksha)

12. Mishanina V. I. *Lyudi v doroge: povest, rasskazy* [People in the Road: novella, short stories]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1988. 208 p. (In Russian)

13. Ingham P. *Dickens, Women and Language*. Toronto and Buffalo: University of Toronto Press, 1992. 152 p. (In English)

14. Gervais D. *Literary Englands: versions of «Englishness» in modern writing*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 280 p. (In English)

15. Joseph J. *Language and Identity: National, Ethnic, Religious*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire & N. Y.: Palgrave Macmillan, 2004. 268 p. (In English)

16. Tusan M. E. *Inventing the New Woman: Print Culture and Identity Politics During the Fin-de-Siecle*. *Victorian Periodicals Review*, 1998, no. 31 (2), pp. 169–183. (In English)

17. Yaeger P. *Dirt and Desire: Reconstructing Southern Women's Writings, 1930–1990*. Chicago: University of Chicago Press, 2000. XVII. 324 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Левина Наталия Николаевна, доцент кафедры финно-угорской филологии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева» (430000, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Демократическая, д. 69), кандидат филологических наук, доцент.

LEV.NataliyaN@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0003-4826-8607

ABOUT THE AUTHORS

Levina Natalia Nikolaevna, Associate Professor of Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

LEV.NataliyaN@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0003-4826-8607